

CONSERVATORIO DI STATO DI NOVOSIBIRSK M. I. GLINKA
UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI ROMA «TOR VERGATA»

MUSICA E RITUALE: STRUTTURA, SEMANTICA, SPECIFICITÀ

Materiali del convegno
scientifico internazionale

3-6 ottobre 2002

Novosibirsk 2004

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ
(АКАДЕМИЯ) им. М. И. ГЛИНКИ
РИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ТОР ВЕРГАТА»

МУЗЫКА И РИТУАЛ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, СПЕЦИФИКА

Материалы международной
научной конференции

3-6 октября 2002 г.

Новосибирск 2004

Е. В. Тюрикова

UKRAINIAN CAROLS
AND INTONATION CORRELATION PROCESSES
IN FOLKLORE, CULT AND SECULAR SPHERES
(ACCORDING TO EXPEDITION MATERIALS
OF DONETSK REGION).

The most favorable environment for interlacing and interaction or intonation correlation of folk (peasant and urban), church and partially professional (written) musical spheres turned to be carols and *shchedrivki*, which were connected in paganism with the birthday of *Kolyada* (the beginning of the year agricultural cycle) and that of Christianity with the Birth of Christ and new calendar year.

Carols and *shchedrivki* from two villages (Razdolovka of the Artyomovsky district and Egorovka of the Volnovakhsy district) were analysed.

The analysis showed that the settlers from Galichina in the first village keep ancient and peculiar tradition of the centre and on the other hand their songs belong to the Christian genre. For its identification, Ukrainian specialists in folklore sometimes use a term *Kolyada* (which differ from *kolyadka* 'carol').

A very interesting Ukrainian song tradition, with rare cases of cult folklore, was found in the second village.

The selection of mentioned local performer traditions provides the material, which gives an opportunity to consider the main types of intonation correlation. These types, in their process, represent similar phenomena, not only in the traditions of the later formation, but also in the whole Ukrainian folklore.

The analysis of the children's performers variations showed that there is intonation correlation of church, folklore and secular melodic in the process of folklorising of written sources, with the insertions of modern mass songs.

Е. И. Жимулева

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ХРИСТОСЛАВЛЕНИЕ
В СВЯЗЯХ С НАРОДНОЙ
И ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИЯМИ

Как известно, в процессе распространения и закрепления христианства на Руси произошло наложение православных праздников на языческую календарную обрядность. Это взаимодействие двух традиций привело к возникновению различных способов совмещения церковного и фольклорного начал в праздновании русских календарных праздников. Ярким и своеобразным примером подобного взаимодействия является святочная обрядность, а именно — поздравительные обходы на Рождество, включающие песнопения православного богослужения и элементы колядования и получившие название рождественского христославения. Объектом нашего внимания стало бытование рождественских песнопений в инокультурной для них фольклорной среде, а также сам обычай христославения в его церковно-народных связях.

Рождественский обычай сформировался на пересечении двух традиций, поэтому для понимания его сущности необходимо выявить действия в нем закономерностей обряда колядования и черт православного богослужения, а также, возможно, обнаружение новых, присущих именно данному обычаю, качеств. Рассмотрим проявление всех вышеобозначенных особенностей в структуре святочного поздравительного ритуала.

Последовательность действий участников рождественского христославения практически точно воспроизводит акциональный ряд колядования: приход к жилищу односельчан, славение, поздравление хозяев, получение вознаграждения. В некоторых случаях присутствуют действия со стороны хозяев: первого христослащика садили на шубу — «чтобы овцы велись»¹, девушки спрашивали у него имя своего будущего жениха, тайно нарезали стружки из дуги у славильщиков, воровали у них подаренное зерно, используя эти предметы для святочных гаданий². Перечисленные действия в данном случае еще более сближают рождественские обходы с коля-

дованием, вследствие появления не типичной для славения аграрно-продукцирующей и предсказательной функций.

Христославление совершалось в день Рождества Христова, иногда продолжаясь в течение двух-трех дней, и, таким образом, частично совпадало с колядованием, которое проводилось, как правило, трижды за святочный период (в рождественский сочельник, перед Новым годом, в крещенский сочельник). Начало рождественских обходов приходилось на раннее утро праздничного дня, сразу после рождественского богослужения, что свидетельствует об определенной временной зависимости поведенческих обходов от церковной службы.

В отличие от колядования, проходившего преимущественно под окнами, христославление совершалось в домах. Существующее различие локативного кода объясняется разным отношением народа к исполнителям рассматриваемых ритуалов: в колядовщиках видели носителей потусторонней, возможно, враждебной силы, поэтому впускать их в свое жилище считалось опасным, приход же в дом славильщиков не таил в себе подобной угрозы, что при наличии определенной дифференциации между исполнителями и слушателями способствовало большему единению людей в христославлении.

Несмотря на вышеописанное различие, состав участников обоих видов святочных обходов имеет большое сходство: в христославлении так же, как и в колядовании, участвовали разные половозрастные группы, общей является также тенденция перехода обоих ритуалов в детскую среду. Однако, в отличие от колядования, в христославлении иногда принимали участие священнослужители, что указывает на связь данного обычая с церковной практикой.

Достаточно разнообразны предметы, используемые в рождественских обходах. Из богослужебной практики христославления заимствует иконы, реже — свечи, из обряда колядования — ритуальное угощение (фигурки животных из теста). Изредка (у старообрядцев Забайкалья³) встречается общая для православного и языческого обрядов закономерность — наличие особой, выделяющейся из обыденной обстановки, одежды: ряженые в колядовании и церковные облачения на богослужении. Кроме того, в обычае христославления появляются новые, не встречающиеся ни в церковной, ни в фольклорной обрядности, предметы — широкое распространение украшен-

ной звезды, а также повсеместное использование денег в качестве платы за поздравление и внимание к хозяевам.

Вербальная часть святочного обычая представляет собой сочетание церковных песнопений (рождественские тропарь, кондак, ирмос 1-й песни канона, многолетие) и фольклорных текстов (христианизированные колядки, псалмы, духовные стихи, благопожелания, просьбы о вознаграждении, шуточные угрозы в адрес скурых хозяев). При этом обращает на себя внимание значительная неоднородность, контрастность происхождения и функций этих текстов, что отличает христославление и от колядования, и от богослужебной практики. Вступительный (просьба разрешить дальнейшие действия) и заключительный разделы (благопожелания, корильные формулы) несут в себе ритуальную и ритуально-заключительную функции, ядро же христославления составляют церковные песнопения, которые меняют внутреннюю сущность празднования, направляя его в христианское русло.

Бытование песнопений в фольклорной среде приводит к определенным изменениям их текстовой основы. Процесс изменений затрагивает практически все уровни словесного ряда рассматриваемых образцов: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический. В результате изменений от исходных форм и значений слов возникают производные формы слов и выражаемые посредством их новые, производные смыслы. Смысловые трансформации можно объяснить существованием двух параллельно развивающихся тенденций: *консервативной*, действие которой приводит к искажению формы и затемнению смысла слов не вполне понятных гимнаграфических текстов, и *реконструирующую*, наполняющую неясные слова новым смыслом. Первая тенденция приближает воспроизводимые тексты христославлений к явлению, встречающемуся в обрядовом фольклоре, — механическому произнесению древних текстов нередко с забытым, утраченным значением, в которых случаях ведущему к изменению их первоначальной формы. Реконструирующая же тенденция свидетельствует о более активной позиции исполнителя, о наличии своеобразной интерпретации, некоторой свободы обращения с каноническими текстами, что позволяет говорить о проявлении «народной этимологии» и о новом в сравнении с христианским и народным ритуалами отношении к текстам. Это переосмысление

текстов в христославлении становится возможным за счет отсутствия в рождественском обычае ярко выраженной магической функции, наделяющей каждое слово сакральным значением и, следовательно, не допускающей возможности его изменения.

Значительная часть рассмотренных фольклорных вариантов песнопений опирается на канонические гласовые напевы, в подавляющем большинстве образцов (28) это басовый партитурный голос 4-го тропарного гласа; в трех случаях присутствует оригинальная мелодика явно народного происхождения. Образцы, в основе которых находится богослужебный напев, рассматривались в сравнении с каноническим первоисточником в его зафиксированном нотной записью варианте⁴.

Напев рождественского тропаря представляет собой монострофную структуру, состоящую из семи строк. Главной характеристикой особенностью четвертого гласа является парное объединение строк с секундовой переменностью устоев внутри каждой пары. Таким образом попарно объединены первые шесть строк, седьмая, заключительная строка самостоятельна, несет в себе функцию каданса. Для анализа изменений, происходящих с каноническим первоисточником, было проведено сегментирование напева с выделением трех типов сегментов: *псалмодического*, *открывающего* собой каждую строку, кроме заключительной, *распевного*, находящегося в концах строк и *кадансирующего*, занимающего собой всю последнюю строку. *Псалмодический* и *распевный* сегменты, в зависимости от их принадлежности к нечетной или четной строке, проявляют себя в двух видах, сохраняя при этом свои характерные черты, но проводясь от разной высоты. В результате сравнения обозначенных пяти элементов партитурного голоса 4-го гласа с аналогичными элементами его фольклорных вариантов были выявлены определенные мелодико-ритмические и структурные изменения церковного напева.

В целом можно отметить достаточное удаление фольклорных образцов от стилистики церковного пения, а также их некоторую неоднородность в сравнении между собой. Среди широкого спектра вариантов обнаруживаются два полюса, две контрастные точки — образцы с ярким проявлением «двигательной динамики» (9), и варианты с сохранением «речевой динамики»⁵ с привнесением песенного начала (10). Критери-

ями выделения образцов с действием «двигательной динамики» послужили появление ритмической дифференциации в изначально однородных *псалмодических* фрагментах, отсутствие цезур внутри объединенных в пару строк, наличие четкой пульсации восьмыми длительностями, что делает возможным стабильное соотношение восьмых и четвертей в *псалмодических* и *распевных* сегментах напева, а также более подвижный темп вышеуказанных образцов.

Варианты, подчиняющиеся закономерностям «динамики произносимого слова», отличаются агогической свободой, ярко выраженным противопоставлением *псалмодических* и *распевных* фрагментов по темпоритму, ритмической и мелодической импровизационностью в обоих видах сегментов. Песенное начало особенно ярко проявляется в *распевных* и *кадансионных* фрагментах напевов.

Выявляя в вариантах рождественских песнопений преобладающие закономерности либо речевой, либо двигательной динамики, следует заметить, что тенденция к двигательной динамике свидетельствует о привнесении «более объективного», «коллективного»⁶, экстравертного начала, в целом нехарактерного для стилистики церковного пения.

Основной корпус фольклоризованных образцов рождественских песнопений представлен одноголосием, многоголосие сохраняется в пяти образцах, трехголосная фактура совместного пения зафиксирована единожды. Заметим, что большинство многоголосных образцов относится к группе вариантов с преобладанием закономерностей речевой динамики, возможно, на появление песенного, распевного начала в данном случае повлияла фактура совместного пения.

При сравнении многоголосных образцов с фактурой канонического первоисточника можно обнаружить как черты, сохраняющиеся от хорального склада песнопения, так и особенности, свойственные народному многоголосному мышлению. В качестве основного признака церковного пения укажем на моноритмическое движение параллельными терциями, присутствующее практически во всех многоголосных образцах. Наряду с терцовой вертикалью, в завершении нечетных строк регулярно присутствуют квинтовые созвучия, также свойственные каноническому первоисточнику и определяющие в нем соотно-

шения басового и сопранового голосов. В предкаденционных участках четных строк нередко появляются секундовые и квартные созвучия, что свидетельствует о влиянии закономерностей народного музыкального мышления. Среди этих закономерностей следует выделить прежде всего проявление элементов гетерофонной фактуры — нарушение терцового параллелизма, приводящее к возникновению диссонансирующих интервалов именно перед заключительным опорным созвучием строки. Кроме того, от фольклорной певческой практики происходит также принцип чередования в разных строках секундовых и квартных созвучий, взаимозаменяемых по принципу терцового параллелизма «функционально параллельных тонов»⁷.

Отметив вышеуказанные тенденции в преобразовании многоголосной фактуры, укажем также на то обстоятельство, что из церковной практики исполнения тропаря в фольклорных вариантах устойчиво сохраняются те черты (в частности, терцовое удвоение голосов, так называемая «втора»), которые близки народной традиции. В связи с этим можно прийти к выводу о том, что в практике бытования церковных песнопений постепенно происходило фактурное преобразование, которое могло бы привести в последствии к фактурной модуляции, то есть к смене исходного хорального склада каким-либо более привычным народным исполнителям видом многоголосия.

Достаточно своеобразно интерпретируется следующий за тропарем канонический жанр кондак, присутствующий более чем в половине образцов христославения. Как правило, в богослужебной практике кондак Рождества поется на третий глас, однако, в подавляющем большинстве случаев народные исполнители стихийно перекладывают это песнопение на звучаний перед ним напев четвертого гласа. Возможно, это обстоятельство определено характерной для фольклорной традиции практикой политекстовости, или же народные певцы воспринимают оба песнопения как некую целостность с единым музыкальным рядом. Несмотря на общность некоторых структурных принципов, между напевами третьего и четвертого гласов больше отличий, чем сходств. По сравнению с четвертым гласом, ладовая организация третьего гласа более сложная, содержит в себе четыре вида строк, при этом длина строк словесного текста кондака более прогуженная, чем длина строк тропаря, в результате чего при переложении кондака на четвертый глас возникает определенное

структурное несоответствие между развернутым текстом и более кратким напевом. Подобные расхождения затрудняют процесс адаптации текста к нехарактерному для него напеву, приводят к различного рода сбоям или же к формированию новых напевов, синтезирующих интонации обоих гласов.

Наряду с образцами, опирающимися на гласовые напевы, в коллекции рождественских христославлений присутствуют исключения — канонические тексты, озвученные напевами фольклорного происхождения. В первом из трех подобных случаев музыкальный ряд ирмоса и следующего за ним незавершенного тропаря основывается на мелодически и ритмически варьируемой попевке квартového диапазона (восходящий скачок с последующим заполнением), дважды (реже — трижды) повторяющейся на протяжении одной строки. При пении ирмоса верхние тоны попевки удваиваются в терцию, на нижних звуках голоса сходятся в унисон. Мелодика такого рода присуща календарным обрядовым песням, колядкам, служит указанием на обрядовый контекст бытования церковных текстов в течение святочного календарного периода.

В другом образце пение тропаря начинается с частушечного мотива, затем происходит модуляция в речитативную манеру интонирования, близкую церковной псалмодии. Возможно, на появление столь своеобразной интерпретации церковного песнопения повлияло воспоминание исполнителями о праздничной ситуации поздравительных обходов. Очевидно, исполнительница ощущает несоответствие плясового напева и богослужебного текста, так как после третьей строки пение обрывается или же звучание тропаря в данном случае играет роль фрагментарной музыкальной вставки в рассказе о праздновании Рождества.

Третьим образцом, озвученный на неканонический напев, включает в себя все три богослужебных жанра, составляющих христославление, первый из которых, ирмос, представлен двумя заключительными строками. В данном случае точный жанровый первоисточник напева не установлен, хотя отдельные признаки (разнообразное мелодико-ритмическое варьирование терцовой попевки с субсекундой, формирующей волнообразный мелодический рельеф, гибкое чередование двудольных и трехдольных ритмических групп) свидетельствуют о связи напева этого образца с жанрами эпичес-

кой, повествовательной природы⁸. Известны явления подобного озвучивания церковных песнопений на напев народного происхождения, распространенные на Русском Севере⁹, можно, возникновение рассматриваемой версии лежит в том же русле фольклоризации богослужебных жанров.

Рассмотрев музыкальный ряд церковных песнопений, бытующих в сибирской фольклорной традиции, можно прийти к выводу об их функционировании по законам фольклорного произведения, приводящем к появлению широкого спектра вариантов и версий. Более или менее близкие варианты, не выходящие за пределы «интонационного поля» (И. И. Земцовский) исходного канона, составляют основной массив фольклоризованных рождественских песнопений. Значительные изменения музыкального компонента канонического первоисточника, связанные с «переводом» богослужебного текста из одного канонического напева в другой, приводят к формированию разного рода версий. *Трансформирующие* версии возникают в результате переложения канона с третьего на четвертый глас. Практика подобных переложений способствует также формированию *синтезирующих* версий, объединяющих элементы обоих гласовых напевов. Яркие проявления взаимодействия между народной и церковной певческими традициями представлены в виде *фольклоризованных* версий, в которых тексты богослужебных жанров озвучиваются напевами фольклорного происхождения.

Все вышеописанные особенности функционирования рождественских песнопений в контексте святочной обрядности указывают на процесс их фольклоризации. Вместе с тем, в христиославлении вырабатывается новое качество, присущее непосредственно данному обычаю, во многом связанное с функцией и характером исполнения церковных песнопений во время рождественских поздравительных обходов. В отличие от колядования, которому свойственна «большая сила звука, вызывающая иногда ассоциации с криком»¹⁰, характер звучания славления ближе к богослужебному пению, одной из важнейших функций которого является эстетическая. Возгласно-речевое начало, существенное для колядования, присутствует в рождественском обычае в опосредованном, снятом виде. Кроме того, в христиославлении рождается новое и для колядования, и для богослужения сочетание функций музыки: с уже названной эстетической переплетается идеологическая (как

указание на принадлежность к религии, церкви), коммуникативная (как способ общения внутри определенного социума) тесно связана с этической (участие в поздравительных обходах детей как средство их воспитания)¹¹; присутствует также развлекательная функция, действующая, в основном, на пиферии ритуала в его заключительных эпизодах.

Таким образом, рассмотрев особенности рождественского христиославления в сравнении с народной и православной обрядовыми традициями, можно прийти к выводу о формировании на их пересечении ритуала нового качества, не связанного с магической функцией и синтезирующего некоторые черты обеих традиций. Компоненты обряда христиославления достаточно контрастны между собой в силу различного происхождения, но, при некоторой их пестроте, можно говорить об определенном единстве данного ритуала. Новые в сравнении с колядованием и богослужением черты рождественского обряда (реконструирующая тенденция в текстах, изменения в напевах, использование звезд, денег, новое значение поздравительных обходов в народном сознании и т. п.) позволяют отнести его к явлениям третьего, наряду с христианством и язычеством (по Н. И. Толстому)¹², составляющего элемента традиционной духовной культуры – календарной обрядности, связанной с народной праздничной, зрелищной традицией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пришла Коляда накануне Рождества / Сост. Н. А. Новоселова, С. В. Соколова. – Красноярск, 1995. – С. 41.
- ² Русский праздник: праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: О. Г. Баранова, Т. А. Зимица и др. – СПб., 2001. – С. 546–547.
- ³ *Дорофеев Н. И.* Русские народные песни Забайкалья. Семейский распев. – М., 1989. – С. 12.
- ⁴ В богослужебной практике также наблюдается некоторое варьирование напева в рамках канонической традиции. В данном случае для сравнения был выбран опубликованный нотный образец как, возможно, близкий первоисточнику фольклорных вариантов.
- ⁵ *Елатов В. И.* Ритмические основы белорусской народной музыки. – Минск, 1966. – С. 29.

- 6 Елатов В. И. Ритмические основы... С. 30.
 7 Харлап М. Г. Народно-русская музыкальная система и проблемы происхождения музыки // Ранние формы искусства. – М., 1972. – С. 258.
 8 Добровольский Б. М., Коргузалов В. В. Музыкальные особенности русского эпоса // Былины. Русский музыкальный эпос. – М. 1981. – С. 26–28.
 9 Аудиозаписи из Архангельской области, представленные на cassette: Зимние святки в русской календарной традиции. Вып. 1: Северные, центральные и западные области России. Сторона А, № 1.
 10 Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. – Л., 1975. – С. 34.
 11 Базилишина М. Р. От Рождества до Крещения (Зимние Святки) // Обряды. Обычай. Праздники. [http://www.osnp.isu.ru].
 12 Толстой Н. И. Славянские верования / Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. 1995. – С. 24.

E. I. Zhimuleva

ROZHDESTVENSKOE CHRISTOSLAVENIE: FOLK AND ORTHODOX TRADITIONS

The paper is devoted to description of *Rozhdestvenskoe Christoslavlenie* (the Nativity's carol-singing) – a custom, which was formed on crossing of folk and the Orthodox Church traditions. The *Rozhdestvenskoe Christoslavlenie* represents Yule-tide congratulatory pass-bies, including religious songs and elements of the rite *Kolyadovanie* (going round carol-singing). Regularities of the *Kolyadovanie* and features of the Orthodox liturgy are visualized for the definition of essence of the *Rozhdestvenskoe Christoslavlenie*. For this purpose the method of custom analysis according to codes (linear-arranged elements) – of action, of subject, temporal, locative, personal, verbal and musical – was used. For detection of verbal and musical transformations the textological approach was used.

As a result of the analysis, the conclusion about the functioning of the religious chants as folk songs was drawn. The *Rozhdestvenskoe Christoslavlenie* can be regarded as a ritual of new quality, which synthesizes several features of both folk and Church traditions. It allows to refer this rite to the third group of the phenomena, alongside Christianity and paganism (according to N. I. Tolstoy). It comprises elements of the traditional spiritual culture – calendar rituals related to folk festive and entertainment tradition.

Н. А. Урсегова

ХРИСТИАНСКИЕ ОБРАЗЫ, МОТИВЫ И РЕАЛИИ В СВАДЕБНОМ ФОЛЬКЛОРЕ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

*Идучи на войну – молись,
Идучи в море – молись вдвое,
Хочешь жениться – молись втрое.*
Народная мудрость

В народном свадебном обряде, который окончательно сложился лишь после принятия христианства, то есть в православной крестьянской среде, нет, пожалуй, эпизода, в котором не проявилось бы христианское мировоззрение его исполнителей. Христианские мотивы, реалии и образы буквально пронизывают песенные и причетные свадебные тексты, наполняют их глубоким религиозно-нравственным смыслом. Из 1273 проанализированных нами образцов, опубликованных филологом Р. П. Потаниной [1–3], в 262 текстах обнаружены христианские образы, реалии или мотивы, что составляет 19,8%.

Впервые тексты с христианскими мотивами начинают звучать на *просватанье*. *Просватанье* – важнейшее ритуальное действие. Об этом событии знали, как правило, все члены крестьянской общины. В одном из текстов говорится, что именно «высоко поднятый церковный колокол» соборной церкви, стоящей на высокой горе, извещает всех о совершенном обряде:

На горе-то, на высококия,
Как у церкви, у соборныя
Высоко поднят колокол;
Далеко звон услышали...
В терему красна девица...
Запоручена, запроsvатана...
[1, № 133].

Выбирая жениха, невеста просит сходить отца к другу
милому, помолвившись Царю Богу Спасителю: